

Ю. В. Голик, А. И. Коробеев

ПРЕСТУПНОСТЬ — ПЛАНЕТАРНАЯ ПРОБЛЕМА

**К итогам XI Конгресса ООН
по предупреждению преступности
и уголовному правосудию**

**Ю Р И Д И Ч Е С К И Й
Ц Е Н Т Р**

Александр Коробеев

**Преступность – планетарная
проблема. К итогам
XI Конгресса ООН по
предупреждению преступности
и уголовному правосудию**

«Юридический центр»

2006

Коробеев А. И.

Преступность – планетарная проблема. К итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию / А. И. Коробеев — «Юридический центр», 2006

Проблема борьбы с преступностью – одна из самых актуальных проблем современности. Ею обеспокоены национальные институты управления государством и обществом, международные правительственные и неправительственные организации, многочисленные общественные организации. Большое внимание этой проблеме уделяет и Организация Объединенных Наций. Итогам работы XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, проходившего в апреле 2005 г. в Бангкоке (Таиланд), посвящена эта работа. Для всех интересующихся проблемами борьбы с преступностью и международного сотрудничества в этой сфере.

ББК 66.4(0)

© Коробеев А. И., 2006

© Юридический центр, 2006

Содержание

Авторы	6
Предисловие	7
Глава I	9
§ 1. Преступность в мире: современное состояние и основные тенденции	9
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ю. В. Голик, А. И. Коробеев
Преступность – планетарная проблема.
К итогам XI Конгресса ООН по
предупреждению преступности
и уголовному правосудию

© Ю. В. Голик, А. И. Коробеев, 2006

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006

Авторы

Авторы настоящей работы – *Юрий Владимирович Голик*, доктор юридических наук, профессор Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, директор Центра Российского государственного торгово-экономического университета по изучению организованной преступности и коррупции в экономике и торговле, глава делегации Советского Союза на VIII Конгрессе ООН, член делегации Российской Федерации на X и XI Конгрессах, постоянный член делегации Российской Федерации на Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию в 1996–2000 гг.;

Александр Иванович Коробеев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Дальневосточного государственного университета, член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, член делегации Российской Федерации на XI Конгрессе ООН и на Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию в 2001 г.

Предисловие

Борьба с преступностью – одна из проблем, которые тревожат и беспокоят человечество уже не одно столетие. Поиски приемов обуздания этой социальной негативной стихии не прекращались все это время. Успехи, конечно же, были, но они всегда носили точечный и кратковременный характер. Сегодня ежегодно в мире совершается свыше 100 млн преступлений, из них в России, по официальным данным, – около 3 млн, а по экспертным оценкам (с учетом латентности), – 10–12, а то и все 15 млн. Мир становится все более преступным. Общество сопротивляется как может, но преступность «наступает по всем направлениям». «Доминирующей криминологической тенденцией в начале нового тысячелетия остаются продолжающийся рост преступности в мире, увеличение ее тяжести и общественной опасности с одновременным отставанием социально-правового контроля от растущей мобильной и мимикрирующей криминализации общественных отношений»¹.

Если в 70-х годах прошлого века американские криминологи говорили об «их» преступном обществе², то сегодня всем нам впору говорить о нашей преступной планете.

На этом мрачном фоне криминалисты – ученые и практики в сфере борьбы с преступностью, а также в сфере современных социальных технологий управления общественными процессами и самим обществом – продолжают интенсивные поиски эффективных методов борьбы с преступностью.

На официальном международном уровне такую работу координирует Организация Объединенных Наций. Эта уважаемая организация последнее время подвергается интенсивной критике со всех сторон, но заменить-то ее пока нечем, да и работает она не так уж и плохо. Конечно, деятельность ООН нельзя назвать совершенной, но если тот или иной субъект международного права не выполняет решений ООН или просто не в состоянии понять и оценить суть и масштабность этих решений, то проблема – в нем самом, а не в ООН. Впрочем, наш мир вообще несовершенен.

ООН – организация универсальная, занимающаяся всеми проблемами планеты. В рамках ООН с 1955 г. действует Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (до 2000 г. он назывался несколько иначе: Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями). Конгресс собирается раз в пять лет и обсуждает самые насущные проблемы борьбы с преступностью в текущем периоде.

18-25 апреля 2005 г. в Бангкоке (Таиланд) прошел последний – Одиннадцатый – Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Его особенность состояла в том, что он проходил вскоре после представления (2 декабря 2004 г.) Доклада Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность» (документ ООН A/59/565), подготовленного по заданию Генерального секретаря, и Доклада самого Генерального секретаря (21 марта 2005 г.) «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех» (A/59/2005). В первом документе много внимания уделяется проблемам борьбы с терроризмом и транснациональной организованной преступностью, а во втором – вопросу укрепления верховенства права, демократии и правам человека в их практическом достижении для каждого жителя планеты. Огромное значение этих документов подчеркивалось многими выступающими.

В наши дни изменения в самой преступности и в сфере борьбы с преступностью происходят настолько стремительно, что данные, полученные в результате аналитической работы, очень быстро устаревают. Например, в ноябре 2005 г. в Шаньдунском университете (Китай)

¹ Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. IV.

² Шур Э. М. Наше преступное общество. М., 1977.

проходила Вторая международная конференция по теории уголовного права. Достаточно представительное мероприятие. Так вот участники конференции, используя в том числе и материалы Бангкокского Конгресса ООН, уже пытались двигаться дальше, предлагая новые решения³.

Несомненно одно: поиски приемов и способов обуздания преступности не прекратятся ни при каких условиях – в противном случае человечество просто погибнет. Более того, в новом столетии появятся новые механизмы социального контроля с использованием современной техники электронного слежения и контроля. Возможности естественных и точных наук все более интенсивно и эффективно будут использоваться в правоохранительной деятельности различных стран и международных организаций, занимающихся изучением и организацией дела борьбы с преступностью. Законодательство разных стран должно быть готово к адекватной оценке нововведений. Некоторые из этих вопросов уже поднимались на последних Конгрессах ООН.

Мы надеемся, что предлагаемая работа пригодится всем, кого интересуют вопросы борьбы с преступностью.

³ См.: HeSingsong. *New era and the reconstructing of the system of criminal theory.* – О позиции российской делегации см.: *Уголовное право.* 2006. № 2. С. 18–20.

Глава I

Преступность планеты Земля: глобальная угроза

§ 1. Преступность в мире: современное состояние и основные тенденции

Анализ отечественной и зарубежной литературы позволяет обнаружить один любопытный феномен: в ней отсутствуют сведения о том, сколько (в абсолютных, а не в относительных показателях) ежегодно совершается преступлений в целом в мире. Отдельные же (как правило, публицистические) высказывания на этот счет не выдерживают никакой критики. Так, в последнее время в некоторых российских источниках стала «гулять» информация, согласно которой в мире якобы ежечасно совершается 200 тыс. преступлений⁴. Элементарный арифметический подсчет показывает, что за год таких преступлений должно «набежать» 1,7 млрд.

Если бы это было действительно так, то (с учетом населения Земли в 6,5 млрд человек) мир, скорее всего, уже бы рухнул под натиском криминального вала. Однако подобной катастрофы до сих пор не произошло. И не потому, что преступлений на самом деле совершается гораздо меньше (хотя это и очевидно) или сами преступления не представляют собой угрозы безопасности человечества (увы, некоторые из них уже являются таковыми), а в силу того, что мировая преступность пока еще удерживается в контролируемых мировым сообществом рамках.

Что же касается попыток с помощью примитивных методик установить истинное количество совершаемых в мире преступлений, то остроумнее всего несостоятельность таких попыток продемонстрировал в свое время американский криминолог Р. Кларк. В качестве примера он привел хронометр преступности, которым пользуется Федеральное бюро расследований США. Последнее измеряет только частоту совершения преступлений на территории всей страны, о которых сообщено в полицию, но не коэффициент преступности в соотношении с общей численностью населения. Если бы ту же самую частоту преступлений применить к Виргинским островам, то все население этих островов за три года пало бы жертвой убийств, будучи перед этим дважды изнасиловано и восемнадцать раз подвергнуто разбойным нападениям. «Если бы все эти преступления были совершены в тех местах, – заключает Р. Кларк, – где нам с вами пришлось побывать, мы все были бы ликвидированы за несколько недель или месяцев»⁵.

Тем не менее в мировой уголовной статистике имеются сведения и об абсолютном количестве преступлений, совершаемых в тех или иных странах мира. Так, по официальным данным, в 70-е годы в США регистрировалось до 8-10 млн индексных преступлений, в 90-е годы – до 15 млн, в последние годы – около 12 млн. Вышеприведенные цифры можно считать мировым рекордом. Следует, правда, оговориться, что за последние 10–12 лет США добились существенного – почти на треть – снижения преступности. Этот факт, насколько нам известно, до конца не осмыслен американскими криминологами, а наша криминология его почти полностью игнорирует, во всяком случае мало кто подвергает его анализу⁶.

⁴ См.: Куликов А. С. Глобализация и новые вызовы безопасности в виде преступности и терроризма // Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма. М., 2002. С. 18.

⁵ Кларк Р. Преступность в США. М., 2002. С. 78.

⁶ См.: Квашиш В. Е. Преступность в США: реальность позитивных изменений или «временное исключение»? // Уголовное право. 2005. № 5; Наумов А. В. Существуют ли пределы роста преступности? // Уголовное право. 2005. № 3.

На противоположном полюсе находятся такие (сопоставимые с США по количеству населения) страны, как: Китай – в 1997 г. здесь было зарегистрировано 1,6 млн преступлений, Индия – 1,7 млн (1997 г.), Россия – 2,4 млн (1997 г.), Япония – 2,5 млн (1997 г.). К другим странам-«миллионерам» можно отнести: Великобританию – 4,6 млн преступлений (1997 г.), Италию – 2,4 млн (1997 г.), Нидерланды – 1,2 млн (1996 г.), Францию – 3,5 млн (1997 г.), Швецию – 1,2 млн (1997 г.), Канаду – 2,5 млн (1997 г.), Республику Корея – 1,4 млн (1997 г.), Австралию – 1,2 млн (1997 г.), Египет – 4,3 млн (1994 г.), ЮАР – 2,1 млн (1997 г.)⁷.

Сложность в определении абсолютных показателей мировой преступности заключается в том, что, с одной стороны, в разных странах существует неодинаковое представление о круге преступного и уголовно наказуемого, индексные преступления во многих странах существенно разнятся между собой как по количественным, так и по качественным параметрам. С другой стороны, серьезным «возмущающим» фактором здесь выступает латентная преступность.

Российский криминолог Д. А. Ли на основе глубокого исследования статистических данных о преступности в разных странах мира с применением методологии модульного анализа и конструирования социума пришел к следующим выводам. Во-первых, число зарегистрированных преступников составляет 24 % от общей численности предполагаемых преступников, а 76 % – удается избежать уголовной ответственности, т. е. латентная преступность соотносится с фиксируемой в пропорции три к одному. Во-вторых, количество преступников в конкретном обществе должно составлять 5,6 % от общего числа населения. В-третьих, указанное число преступников выполняет положительную функцию целостности общества как системы и поддержания необходимого разнообразия, что служит необходимым условием самоорганизации системы⁸.

Не вдаваясь в оценку исходных криминологических посылок Д. А. Ли, уязвимость которых уже рассматривалась в литературе⁹, отметим, что усреднение удельного веса латентной преступности и сведение ее к 76 % от общего числа совершаемых в мире преступлений непродуктивно, ибо на самом деле (с учетом остроты криминальной картины в разных странах мира) показатель скрытой преступности, скорее всего, гораздо выше. Отсюда можно заключить, что и количество совершаемых в мире преступлений (и их субъектов) все-таки несколько больше той идеальной (по мнению Д. А. Ли) цифры, которая составляет 5,6 % от общего числа населения. Рискнем предположить, что в реальной действительности совокупная масса ежегодно совершаемых преступлений составляет 8-10 % от мирового социума. Таким образом, ежегодный общемировой «криминальный валовой продукт» выражается цифрой в 600–700 млн преступлений. Это меньше предлагаемых публицистами показателей, однако больше прогнозированных в прошлом различными криминологами значений.

Изложенное позволяет констатировать печальный факт: мир становится все более криминальным. «Последнее десятилетие XX века и начало XXI века, – отмечает А. И. Долгова, – стали не только в России, но и во всем мире временем триумфа преступной среды»¹⁰. Особенно наглядно заявленный выше тезис просматривается при анализе тенденций развития современной мировой преступности. Каковы же они?

Доминирующими тенденциями преступности за последние сто-двадцать лет являются: ее интенсивный рост, обгоняющий по своим темпам рост народонаселения; расширение сфер преступной деятельности; «окорыствование» мотивации преступного поведения; повышение ее организованности, технической вооруженности и самозащищенности; использование все

⁷ См.: Преступность стран мира. Статистический сборник. Красноярск, 2000; Морозов Н. А. Преступность и борьба с ней в Японии. СПб., 2003. С. 22; Ведерникова О. Н. Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании. М., 2001. С. 172, 179.

⁸ См.: Ли Д. А. Преступность как социальное явление. М., 1997. С. 41, 103.

⁹ См.: Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 70–71, 84–85.

¹⁰ Там же. С. 3.

более разрушительных средств и способов совершения преступлений; рост причиняемого преступностью ущерба; транснационализация преступной среды; юнизация и феминизация субъектов преступлений; увеличение общественной опасности преступной деятельности и т. д. Все это связано не с изменениями наследственности (определенное влияние которой на человеческое поведение бесспорно), а с бурными изменениями среды, условий жизни и деятельности людей¹¹.

Остановимся на некоторых из этих тенденций подробнее.

1. *Определяющей тенденцией преступности в мире является ее абсолютный и относительный рост* (относительно населения, экономического развития, культуры и т. д.). Это не означает, подчеркивает В. В. Лунеев, что преступность в любой стране всегда только растет.

Есть страны, где преступность в какие-то периоды их развития сокращается или ее уровень стабилизируется. Речь идет о среднестатистической тенденции преступности в мире, рассчитанной за длительный период времени¹².

По данным Организации Объединенных Наций, общая тенденция свидетельствует о том, что в мире доля зарегистрированных преступлений в 1995–2002 гг. увеличилась на 12 %. Количество нападениях возросло на 22 %, при этом более резкое увеличение отмечено в отношении правонарушений, связанных с наркотиками (47 %), и случаев грабежа (41 %). Сократилось количество квартирных краж, преднамеренных убийств и хищений автотранспортных средств (на 14, 19 и 35 % соответственно). Практически не изменилось количество изнасилований и случаев мошенничества.

Однако следует отметить, что данные, касающиеся вышеуказанной тенденции, могут зависеть от различий в структуре представления информации о преступности в рамках Обзора ООН на региональном и национальном уровнях. Например, из 21 страны, по которым имеются данные об общем количестве зарегистрированных преступлений за весь период 1995–2002 гг., 15 находятся в Европе, одна – в Африке, 3 – в Северной и Южной Америке, 2 – в Азии и ни одной – в Океании. Из этого можно заключить, что делать общие выводы о всемирных тенденциях в области преступности следует крайне осторожно¹³.

Анализ региональных особенностей мировой преступности приводит исследователей к выводу о том, что самый высокий уровень преступности наблюдается в наиболее индустриально развитых, социально обустроенных и демократических регионах. При среднем коэффициенте преступности 1992,6 на 100 тыс. населения самый высокий уровень отмечается в Северной Америке (5909,8, причем он явно занижен, так как данные по США включают только 8 видов деяний) и Западной Европе (3669,3), а самый низкий – в арабских странах (142,4 на 100 тыс. населения). Разница в 26–42 раза! Подтверждается трудновоспринимаемый вывод: чем выше развитие, тем выше преступность. Наряду с этим идет процесс унификации деяний и их глобализации¹⁴.

Если теперь обратиться к анализу конкретных видов преступлений, то последние данные с разбивкой по регионам позволяют увидеть следующую картину. В 2002 г. коэффициент убийств (в расчете на 100 тыс. населения) составил в Африке – 16,5, в Северной и Южной Америке – 13, в Европе – 6,5, в Азии – 3, Океании – 3 (для сравнения: в России в том же году – 22, 4).

¹¹ См.: Лунеев В. В. Предисловие ко второму русскому изданию книги: Кларк Р. Преступность в США. М., 2002. С. 11–12.

¹² См.: Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 23.

¹³ См.: Доклад Генерального секретаря ООН «Положение в мире в области предупреждения преступности и уголовного правосудия» // Материалы XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Бангкок, 15–25 апреля 2005 г.). Владивосток, 2005. С. 477.

¹⁴ См.: Лунеев В. В. Криминальная глобализация // Государство и право. 2004. № 10. С. 32.

Самый высокий уровень грабежей в 2002 г. зафиксирован в Северной и Южной Америке (480), Африке (300) и Европе (180), самый низкий – в Океании (130) и Азии (10). Несколько иные показатели по разбоям. Лидерами по этому виду преступлений являются Африка (770), Океания (750) и Америка (690). Наименьший показатель – в Азии (30)¹⁵.

Удельный вес преступлений, связанных с наркотиками, в различных регионах мира в 2002 г. характеризуется следующими данными. Наивысшие показатели отмечаются в Северной и Южной Америке (300) и Океании (270), за ними следуют Европа (160), Африка (50) и Азия (20).

На основании данных семи обзоров ООН (1970–2000 гг.) В. В. Лунеевым обобщены сведения о преступности в более чем 100 странах мира. Эти сведения позволяют судить о реальных тенденциях постоянного роста преступности. Он неравномерен по отдельным странам и по конкретным периодам (годам), но он неуклонен по доминирующему тренду.

Среди индустриально развитых государств особое криминологическое значение приобретают несколько стран: США, Франция, Германия, Англия и Уэльс, Япония, Россия. Анализ криминологических данных свидетельствует о высоком уровне преступности во всех этих странах (кроме Японии), высоких темпах ее роста и среднегодового прироста.

Лучшие показатели отмечаются лишь в Японии. Однако и в этой стране идет процесс абсолютного и относительного роста преступности, хотя и более медленными темпами. Среднегодовые темпы прироста числа учтенных преступлений в расчете на 100 тыс. жителей в Японии за последние 40 лет истекшего столетия были равны 0,45 %, тогда как в Англии и Уэльсе – 4,60, в России – 4,40, во Франции – 3,70, в США – 3,40 и в Германии – 2,45 %, т. е. в 5–10 раз выше. А рассчитав те же среднегодовые темпы прироста преступности в Японии за последние 10 лет прошлого века, мы получим их равными 3,20 %. Они увеличились в 7 раз, хотя коэффициент преступности в Японии в расчете на 100 тыс. населения до сих пор является самым низким. Он ниже североамериканских и западноевропейских коэффициентов в 3–4 раза. Тем не менее тенденции преступности последних лет свидетельствуют о постепенном «приобщении» Японии к мировым криминологическим тенденциям¹⁶.

2. Глобализация преступности. Глобализм – явление многоплановое, многофакторное и уже в силу этого имеет аверс и реверс, негативную и позитивную стороны.

Если взглянуть на прошлое, то можно в качестве примера привести Австралию, которая какое-то время была известна как отдаленное место ссылки каторжников, а сегодня является процветающим государством с минимальным уровнем преступности. Критическая масса отрицательных социальных элементов в экстремальных условиях проживания и полной географической изоляции породила новое качество.

Проблема борьбы с преступностью сопровождает человечество всю его историю, начиная с добиблейских времен. В связи с этим закономерно возникает вопрос: «Что нового может привнести модное ныне слово „глобализм“ в понимание сути проблемы?».

Отвечать на него можно по-разному. В. С. Овчинский, например, поступил очень просто: он взял за основу Доклад ЮНРИСД (НИИ социального развития при ООН) 1997 г., в котором ООН выделила шесть основных тенденций глобализации (распространение либеральной демократии; преобладание рыночных сил в экономике; интеграция мировой экономики; трансформация систем производства и рынка рабочей силы; быстрота технологического обновления; революция средств массовой информации и диктат идеологии потребительства), и проанализировал их применительно к развитию преступности¹⁷. Такой подход допустим, но надо иметь

¹⁵ См.: Материалы XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. С. 480–481.

¹⁶ См.: Лунеев В. В. Криминальная глобализация. С. 35–36; Тё И. Б. Проблемы назначения, исполнения смертной казни и других видов уголовного наказания по законодательству современной Японии. Автореф. дис... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. С. 15–23.

¹⁷ Овчинский В. С. XXI век против мафии. М., 2001. С. 8–24.

в виду, что, во-первых, материалы Доклада уже успели «состариться», во-вторых, далеко не все аспекты глобализации напрямую связаны с преступностью. Так, распространение либеральной демократии само по себе не может стимулировать и провоцировать рост преступности, если не накладывается на примитивное правосознание населения.

Допустим и другой подход к проблеме. Если мы возьмем, например, формально-количественные характеристики, то увидим рост преступности в абсолютных и относительных показателях, о чем уже говорилось выше.

По законам диалектики количественные изменения по мере их накопления приводят к качественным деформациям. Одними из первых это замечают законодатели и начинают модернизировать нормативную базу¹⁸. Анализ динамики уголовного законодательства показывает постоянный рост объема уголовно-правового нормативного материала. Так, в УК РСФСР 1922 г. на момент принятия было 227 статей¹⁹ (почему-то иногда его ошибочно считают самым коротким Кодексом в нашей истории), в УК РСФСР 1926 г. – 205 (потом их стало значительно больше – одних 58-х, как считается, было 14, а на самом деле – 18, так как были статьи со значками 1а, 1б, 1в, 1г); в УК РСФСР 1960 г. – 269 статей, в УК РФ 1996 г. – 360 (на 1 сентября 2006 г. в нем насчитывается уже 380 статей, и их общее количество постоянно увеличивается). Конечно, это не предел. Уголовное законодательство дореволюционной России включало в себя до десяти источников и суммарно насчитывало 2330 статей. Вряд ли к этому нужно стремиться, но ориентир нам известен.

Новое уголовное законодательство других стран также увеличивается в объеме. Так, УК Китая 1997 г. состоит из 451 статьи, УК Республики Беларусь 1999 г. – из 466 и т. д. Тренд, таким образом, виден четко.

Одновременно растет и количество международных уголовно-правовых актов и норм. Мы вплотную приближаемся к моменту создания международно-правового акта прямого действия, не требующего инкорпорации в национальное законодательство.

Создается и система международной уголовной юстиции. Давно и достаточно эффективно действует Интерпол; создан и начинает работать Международный уголовный суд. Вполне вероятно, что в обозримом будущем начнется подготовка к формированию международной прокуратуры. Таким образом, речь сегодня идет о создании системы нетрадиционной (наднациональной) уголовной юстиции.

Наконец, растет количество осужденных, и оно будет увеличиваться в дальнейшем. Н. Кристи прогнозирует большой рост числа тюремного населения планеты²⁰. Реституционное правосудие только встает на ноги и не в состоянии спасти положение. Все это может привести к переоценке многих ценностей (как по ту, так и по эту сторону решетки), к пересмотру всей уголовной политики государств, нормативов и стандартов ООН. Иными словами, необходим новый взгляд на проблему. В противном случае если продолжить карательную политику по принципу «сажать, сажать и сажать», то очень быстро может случиться так, что одна половина человечества будет «сидеть», а другая – ее охранять. Мало того, что не будет ясно, кто же находится в заключении, а кто – на свободе, так еще и возникнет проблема: кто же будет работать на производстве? Между тем уже сейчас происходит постоянное сокращение собственно производящей составляющей. По данным И. В. Лисиненко, в крупных корпорациях на Западе она сегодня насчитывает не более 80 %²¹.

Нельзя также не учитывать, что стремление «пересажать» всех без исключения преступников вступает в противоречие с другой общемировой тенденцией – тенденцией к гуманиза-

¹⁸ Авакьян С. А. Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование // Национальные интересы. 2001. № 4. С. 44–47; Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2001.

¹⁹ СУ РСФСР. 1922. № 15.

²⁰ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к ГУЛАГу западного образца. М., 1999.

²¹ Лисиненко И. В. Торгово-промышленные группы: механизм формирования и функционирования. М., 1999.

ции уголовной репрессии, а главное – ложится на государство тяжким бременем дополнительных расходов, которые могут быть покрыты только за счет производственной составляющей. Круг, таким образом, замыкается.

Преступность – динамично развивающееся явление и рассматривать ее можно только в контексте всех протекающих в обществе процессов. Общество, вступающее в период глобализации, вступает в него все целиком. Преступность не может быть изолирована от этого транс-системного процесса. Преступность в ее качественно новых проявлениях есть теневая, негативная сторона глобализации: там, где есть аверс – положительная компонента, должен быть и реверс – негативная сторона (каковой и является в глобализирующемся мире его криминальная составляющая).

Таким образом, преступность сама по себе приобрела сегодня глобальный характер как с позиции характеристики проблемы, так и с количественной точки зрения. Об этом неоднократно говорилось во многих документах ООН последнего десятилетия. Сегодня данное негативное социальное явление приобрело характер планетарной проблемы.

В результате на уровне отдельных государств преступность стала уже угрожать национальной безопасности. При проникновении преступности во все сферы общества и институты государственной власти государство становится неуправляемым, наступает хаос, а преступность из просто общенациональной проблемы перерастает в проблему национальной безопасности. Сказанное в первую очередь означает, что появляется реальная угроза для существования государства в целом. Формы такой угрозы могут быть разными: распад государства на более мелкие государственные или псевдогосударственные образования, введение внешнего управления и утрата государством своего суверенитета, аннексия территории или ее части другими более мощными или более «наглыми» государствами и т. д. Общим является одно: государство как суверенное образование прекращает свое существование.

Затронутая проблема вызывает отнюдь не только чисто теоретический интерес. Как справедливо отмечает А. Н. Харитонов, «на политической карте мира появились государства, которые с полным основанием можно назвать государствами криминального типа. Криминалитет демонстрирует политические притязания в государствах, традиционно считающихся демократическими. Еще более заметны такие тенденции в странах, которые идут трудным путем социального реформирования»²².

Гораздо более жесткий вывод сделан в Докладе Совета национальной безопасности США «Оценка реальности угрозы, исходящей от международной преступности», подготовленном в 2000 г.: «Мир в 2010 г. может увидеть появление „криминальных государств“, которые не просто служат убежищами для международной преступной деятельности, но и поддерживают ее как само собой разумеющееся. Участие „криминальных государств“ в сообществе наций могло бы подорвать международную финансовую систему и торговлю, создать препятствия для эффективного международного сотрудничества против организованной преступности»²³.

Конечно, государство не обязательно должно исчезнуть с политической карты мира – это крайний вариант развития событий. Наиболее вероятный путь – ослабление государства. Конкурентом слабого государства начинают выступать как легальные репрессивные структуры, так и структуры, находящиеся на периферии общества. Становятся все сильнее нелегальные и полунелегальные структуры – организованная преступность, субкриминальные формирования, воинственные религиозные секты и объединения.

Описываемая проблема имеет уголовно-правовой догматический аспект. Объектом уголовного посягательства становятся не отдельные лица, а целые социальные и этнические группы. Темпы развития преступных технологий таковы, что сегодня уже «ни одна страна мира

²² Харитонов А. Н. Государственный контроль над преступностью. Омск, 1997. С. 3.

²³ Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М., 2001. С. 570.

не может быть защищена от угрозы разорения»²⁴. Речь идет об искусственном, преступном разорении. Поразительно, но сами «разорители» этого нисколько не скрывают и публично в этом признаются²⁵. Зачастую таким действиям нет адекватного определения ни в национальном, ни в международном законодательстве. Формы могут быть различными – Югославия и Ирак демонстрируют это со всей очевидностью, ряд мировых экономических кризисов последних лет – с меньшей очевидностью, но не с меньшей эффективностью.

Есть и факты использования чисто криминальных приемов и методов²⁶.

Таким образом, проблема имеет уже не локальный и даже не региональный, а глобальный характер. С указанных позиций следует отметить три группы преступлений, которые, с одной стороны, тесно связаны друг с другом, а с другой – в той или иной степени характерны если не для всех, то для подавляющего большинства стран современного мира: организованная преступность, коррупция и терроризм. Сюда же примыкает такое явление, как наркотизм со всеми вытекающими, в том числе, криминальными проблемами. Словом, наиболее важной характеристикой текущего момента является то, что преступность стала приобретать новые качества, отражающие ее «глобальный» характер.

3. Транснационализация преступности. Данное качество преступности появилось не вчера. Точкой отсчета, видимо, надо считать конец 20-х – начало 30-х годов XX в., когда возникли первые преступные кланы в США. Они были основаны итальянцами, которые очень быстро наладили соответствующие связи со своими «коллегами» – сначала на своей исторической родине, в Италии, а потом и в других европейских странах. Вторая мировая война как-то «затемнила» этот процесс, но после ее окончания он стал развиваться очень бурно. Оружие, наркотики, проституция – вот традиционные темы для преступной кооперации²⁷.

Сегодня уже очевидно, что преступность не знает государственных границ, преступники эти границы преодолевают очень успешно, чего не скажешь о законопослушных гражданах. Кроме того, криминальные элементы не знают и межнациональной вражды. Они прекрасно «дружат» и «сотрудничают» друг с другом, несмотря на расширяющиеся разногласия между странами, гражданами которых они формально являются. Все межнациональные конфликты на территории бывшего СССР прекрасно это подтверждают.

Транснациональная преступность является одной из сторон, внутренне присущей процессу современной глобализации мира. Формы ее могут быть самыми разными.

В литературе отмечается, что особую опасность в глобализирующемся мире представляют следующие формы транснациональной преступной деятельности: 1) внутренний и международный терроризм; 2) незаконный оборот наркотических средств, оружия, военной техники, радиоактивных веществ и ядерных материалов, человеческих органов и тканей для трансплантации; 3) фальшивомонетничество; 4) отмывание незаконно приобретенных денежных средств и иного имущества; 5) работоторговля, в том числе женщинами и детьми; 6) компьютерное мошенничество²⁸; 7) кражи и контрабанда автомобилей; 8) преступления, связанные с произведениями искусства и культурного наследия; 9) кражи интеллектуальной собственности и пиратство.

Глобализационные процессы создают большие возможности для эскалации транснациональной преступности. В. В. Лунеевым в связи с этим приводится перечень экономически позитивных процессов, которые в то же время способствуют разрастанию транснациональной преступности.

²⁴ Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Глобальная империя зла. М., 2001. С. 37.

²⁵ См.: Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. М.: Pretext, 2005.

²⁶ Watson P. J. *Order out of Chaos. Elite Sponsored Terrorism and the New World Order*. Austin: Alex Jones Productions, 2003.

²⁷ См.: Абадшский Г. Организованная преступность. СПб., 2002. С. 175–234.

²⁸ См.: Современная уголовная политика в сфере борьбы с транснациональной организованной преступностью и коррупцией. М., 2002. С. 5–6.

А. Улучшение государственных и международных отношений, расширение экономических и социальных связей, повышение «прозрачности» границ, упрощение международных поездок, развитие международной торговли, появление новых рынков сбыта, увеличение международных перевозок не только облегчают жизнь людей в международном сообществе, но и создают комплекс возможностей для активной деятельности транснациональной организованной преступности.

Б. Развитие международных финансовых сетей и, как следствие, быстрый перевод денег электронным путем в нужное место и нужным людям, с одной стороны, серьезно затрудняют процесс регулирования и контроля денежных потоков государством, а с другой – облегчают сокрытие денег, полученных преступным путем, и их отмывание в тех странах, где это возможно.

В. Усиливающийся процесс миграции населения в мире и образование в различных странах этнических диаспор успешно используются организованными преступниками из других стран для создания национальных группировок, которые отличаются большей сплоченностью и защищенностью от правоохранительных органов. Национальная солидарность, а иногда и родственные связи, языковой и культурный барьеры надежно защищают такие группировки от проникновения в них посторонних лиц, в том числе и агентов спецслужб.

Г. Существенные расхождения в уголовном законодательстве и правосудии различных стран, позволяющие решать свои национальные проблемы, умело используются преступными сообществами для более безопасного совершения тех или иных операций: отмывания денег в странах, где нет ответственности за эти действия, уход от налогов в так называемых налоговых убежищах (оффшоры, свободные зоны) и в странах с низким налоговым бременем, занятие поставками незаконных товаров и услуг в регионы со слабым правовым регулированием данной коммерческой деятельности, выбор места пребывания базовой организации на территориях с неразвитым уголовным законодательством в отношении организованной преступности и т. д.

Д. Окончание «холодной войны», ликвидация «железного занавеса» и разрушение тотального контроля за людьми в постсоциалистических странах открыли возможности не только для честного, но и для преступного предпринимательства. Эти страны широко используются в качестве транзитных территорий и новых рынков сбыта незаконных товаров и услуг, а также как источники поставок различных контрабандных товаров, особенно химических и радиоактивных веществ.

Е. Многонациональные мегаполисы, такие, например, как Москва, являющиеся центрами деловой активности и узловыми элементами мировой экономической системы и выполняющие важную роль в перемещении денежных средств и законных товаров, умело используются в качестве перевалочных баз для запрещенных товаров и финансовых расчетов организованных преступников, проследить деятельность которых на фоне огромных товарных и денежных потоков практически невозможно.

Ж. Демократические преобразования, происходящие во многих странах и часто связанные с разрушением прежних систем контроля и медленным становлением адекватного демократического регулирования, с суверенизацией и автономизацией регионов, политической и экономической нестабильностью, как правило, коррелируют со значительным ослаблением борьбы с преступностью и уж тем более с транснациональной, что также учитывается и используется организованными преступниками.

3. Расширение международных контактов, торговли, коммуникаций, теле-, радиоинформации, приобщающих людей к культуре других народов, способствует распространению «чужих», в том числе и криминальных, стандартов жизни, порочных потребностей, разрушению самобытных многовековых национальных традиций, а затем и созданию новых рынков

сбыта незаконных товаров и услуг (наркотики, оружие, азартные игры, секс-бизнес и т. д.), входящих в сферу деятельности преступных организаций.

И. Неимоверно быстрый рост новых потребительских товаров и услуг, распространение психологии общества потребления и философии жизни одним днем, коммерциализация жизни и окорыствование общественных отношений способствуют в странах с низким уровнем жизни распространению комплексов социальной несправедливости и продажности государственных служащих, что является одним из условий выживания организованной транснациональной преступности, особенно там, где от чиновников зависит очень многое²⁹.

Из изложенного следует, что преодоление тенденции в виде транснационализации преступности требует не просто объединения усилий различных государств на международном уровне, а решения этой проблемы со столь же глобальных позиций – на уровне всего мирового сообщества.

4. **Коррупциализация.** Анализ современного состояния коррупции в мире приводит к выводу, что она является одной из опаснейших тенденций в развитии общемировой преступности. Более того, последние исследования показывают, что коррупция с неизбежностью ведет к деградации любого общества³⁰.

Под коррупцией в международном криминологическом сообществе принято понимать «злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях». Такое злоупотребление включает в себя: а) взяточничество государственных должностных лиц; б) плату за контракты на поставку товаров для государственных нужд; в) растрату государственных денежных средств³¹.

Коррупция имеет повсеместное распространение: ни одна страна мира, независимо от уровня ее экономического развития, не обладает иммунитетом против «коррупции власти», с разницей лишь в степени пораженности общества и государства этим явлением. Заявленный тезис подтверждается следующими данными.

В 2002 г. на «коррупционной карте мира» выделилось три основных центра («триада развитых стран»), характеризующихся наименьшей степенью коррупции, – Западная Европа, Северная Америка и Тихоокеанский регион, состоящий из двух групп стран: Австралия, Новая Зеландия и Япония, Сингапур и Гонконг (провинция Китая).

Несмотря на то, что в целом западноевропейский регион может быть оценен как один из наименее коррумпированных регионов мира, его отличает мозаичный страновой характер коррумпированности. Северная и центральная его части (страны Скандинавии, Великобритании, Нидерланды и Швейцария) характеризуются низкой степенью распространения коррупции: именно к этой группе относятся наименее коррумпированные страны мира – Финляндия и Дания (индекс восприятия коррупции (ИВК) в них составляет соответственно 9,7 и 9,5). Более высокий уровень коррупции характерен для Германии, Испании, Франции и Португалии (7,3–6,3). Наиболее коррумпированной страной Западной Европы является Италия (5,2).

В Канаде уровень коррупции считается одним из самых низких в мире наравне со странами Северной Европы (9,0). Степень коррумпированности США существенно превышает соответствующий показатель для Канады и сопоставим с уровнем коррупции крупных экономических держав Западной Европы (7,0).

Коррумпированность Сингапура и Гонконга (провинции Китая) традиционно воспринимается как самая низкая в Азиатском регионе – по уровню коррупции эти новые индустриальные страны сопоставимы с наименее коррумпированными странами мира (Сингапур – со

²⁹ См.: Лунев В. В. Криминальная глобализация. С. 39–40.

³⁰ Бабурин С. Н., Голик Ю. В., Карасев В. И. Коррупция – наиболее опасный вектор деградации общества: Материалы к размышлению. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2004.

³¹ Global Corruption Report 2001. Transparency International // <http://www.globalcorruptionreport.org/gcr2001.shtml>.

Швейцарией и Канадой, Гонконг – со Швейцарией и Норвегией). На этом фоне относительно большей степенью коррупции характеризуются Япония (7,1), Новая Зеландия (9,5) и, в несколько меньшей степени, Австралия (8,6), воспринимаемые как одни из наименее коррумпированных стран мира.

Среди многочисленной и разнообразной группы развивающихся стран трудно выделить четко сформированные «полюса коррупции». Как правило, каждый крупный регион обладает собственными «коррупционными экстремумами».

В Латинской Америке наименее коррумпированной страной считается Чили (7,5). Уровень коррупции здесь сравним с аналогичным показателем в таких развитых странах, как США и Германия. Коррумпированность Бразилии, Перу, Колумбии, Мексики превышает среднемировые показатели (4,0–3,6). В категорию чрезвычайно коррумпированных стран входят Аргентина, Венесуэла, Боливия, Эквадор и большинство стран Карибского бассейна. Самой коррумпированной страной этого региона является Парагвай (1,7).

Спектр коррумпированности африканских стран чрезвычайно широк. С одной стороны, именно здесь расположены «полюса» мировой коррумпированности – Нигерия, Мадагаскар, Ангола (1,7–1,6). С другой стороны, уровень коррупции таких стран, как Ботсвана (6,4) и Намибия (5,7), даже по мировым оценкам, достаточно невысок: например, коррумпированность Ботсваны считается ниже коррумпированности Франции, а уровень коррупции в Намибии – ниже уровня коррупции в Италии. Для большинства же африканских стран этот показатель оценивается выше среднего (ЮАР, Тунис, Гана, Марокко) либо ближе к высокому (Уганда, Камерун).

Азиатские «центры коррупции» также традиционны. К их числу относятся, прежде всего, Бангладеш (самая коррумпированная страна мира – 1,2) и Индонезия (1,9). Немного лучше ситуация во Вьетнаме, на Филиппинах, в Индии и Пакистане (2,7–2,4). Благоприятнее положение в отношении коррупции в более экономически развитых азиатских странах – так называемых новых индустриальных государствах «второй волны»: в Китае (3,5), Таиланде (3,2) и особенно на Тайване (5,6) и в Малайзии (4,9).

В целом высокий уровень коррупции отмечен в странах Восточной Европы и Балканского полуострова, среди которых наибольшей коррумпированностью характеризуются Румыния и Албания (2,6–2,5). Более низкий уровень коррупции наблюдается в Венгрии, Греции, Польше (4,9–4,0). Словения является самой «чистой» страной региона (6,0).

Относительно стран – бывших республик СССР ситуация складывается далеко не однозначно. Коррумпированность Эстонии, Литвы и Белоруссии расценивается как средняя. На их фоне Латвия характеризуется более высоким уровнем коррупции (3,7). Остальные страны региона (в том числе и Россия) отличаются чрезвычайно высокой коррумпированностью (2,7). Среди бывших союзных республик наиболее коррумпированными считаются Азербайджан и Молдова (2,0 и 2,1).

Таким образом, первичный анализ представленной «коррупционной карты мира» позволяет сделать выводы о практически повсеместном распространении коррупции. Очевидно, что она не является уделом исключительно стран «третьего мира» и даже в наиболее экономически развитых странах мира коррупция может достигать внушительных масштабов³².

Угрозы и тенденции, связанные с коррупцией, по мнению экспертов ООН, сводятся к следующему.

А. Политическая коррупция. Политическая коррупция охватывает целый ряд различных действий: от незаконного финансирования партий и выборов до покупки голосов избирате-

³² Все вышеперечисленные данные приводятся по работе: «Коррупция в мире и международная стратегия борьбы с ней». (Владивосток, 2004. С. 19–21).

лей и «торговли влиянием», которую практикуют политики и государственные чиновники на выборных должностях.

За последние годы условия, в которых действуют политические партии, изменились: в эпоху развития средств массовой коммуникации политическим партиям необходимы значительные финансовые ресурсы для того, чтобы дойти со своими лозунгами до граждан, получить известность и информировать их о своих стратегиях, политических идеях и концепциях, чтобы заручиться их поддержкой. Рост цен вынуждает политические партии искать новые финансовые средства в дополнение к тем, которые разрешены законом. Иногда это достигается в обход действующих правил, путем изыскания нетрадиционных источников финансирования или даже прямого подкупа.

Б. Коррупция в системе юстиции. Уважение всех других прав и пользование этими правами в конечном итоге зависят от надлежащего отправления правосудия.

Коррупция в судебных органах угрожает их независимости, беспристрастности и справедливости и подрывает основы законности – одного из главных условий экономического роста и искоренения нищеты. Для эффективной защиты прав человека и безопасности людей необходима хорошо отлаженная система судебных органов с честными и неподкупными работниками, способными обеспечивать соблюдение закона и отправлять правосудие на справедливой, эффективной и предсказуемой основе. Право на справедливое судебное разбирательство – одно из основополагающих прав человека – может обеспечиваться только беспристрастным судом и при условии процессуального равенства сторон. В коррумпированной судебной системе не присутствует ни один из указанных элементов.

Коррупция в судебных органах – это проблема общемирового масштаба, не ограниченная конкретной страной или регионом. Однако наихудшие проявления этой разновидности коррупции имеют место, судя по всему, в развивающихся странах и странах с переходной экономикой. По данным Центра по вопросам независимости судей и адвокатов, из 48 стран, охваченных в его ежегодном докладе за 1999 г., в 30 странах коррупция в системе юстиции носила «повсеместный» характер³³. Все чаще выявляются факты подкупа судебных чиновников во многих частях мира.

В. Коррупция и частный сектор. На протяжении многих лет считалось, что частные предприятия являются невинными жертвами алчных чиновников, а отнюдь не сообщниками в незаконных сделках, имеющих целью получение тех или иных выгод нечестным путем. Однако теперь частный сектор осознал риски, связанные с коррупцией, которая подрывает основы честной конкуренции и принципы функционирования рыночной экономики, негативно отражается на качестве товаров и услуг, сужает перспективы для инвестиций в экономику и дискредитирует нормы деловой этики. Деньги, используемые для дачи взяток, теоретически могут использоваться для продуктивных вложений капитала. Из-за расходов, не имеющих отношения к экономическим операциям, уровень развития предприятий остается низким в относительном выражении³⁴. Коррупция пагубна для всех типов компаний – больших и малых, многонациональных и местных. Тем не менее коррупции в большей степени подвержены более мелкие предприятия.

В последние годы особую остроту приобрела проблема взяточничества во взаимоотношениях между частными предприятиями, поскольку правительства начали приватизировать многие функции и услуги, которые ранее относились к сфере компетенции государственных учреждений.

³³ Centre for the Independence of Judges and Lawyers. Ninth Annual Report on Attacks on Justice, March 1997 – February 1999.

³⁴ Gaeta Barta, Daniel Kaufmann and Andrew H.W. Stone. *Voices of the Firms 2000; Key Findings of the World Business Environments Survey 2000* (World Bank Group, 2003).

Г. Присвоение собственности и легализация доходов, полученных в результате коррупции. С коррупцией тесно связаны присвоение финансовых активов и государственного имущества и их утечка за рубеж. Хотя данные, свидетельствующие о масштабе этого явления, весьма и весьма скудны, недавно произошедшие случаи показывают, что оно разрослось до такой степени, что способно подорвать устои национальной экономики и завести в тупик процесс развития.

По оценкам Международного валютного фонда, общий объем ежегодно отмываемых денежных средств эквивалентен 3–5 % общемирового валового внутреннего продукта. Как следует из Ньянгской декларации об изъятии и репатриации богатств Африки, общий объем похищенных и переведенных за рубеж средств оценивается в 20–40 млрд долларов США.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.